

Третья стратегия компенсации министерства обороны США

31.07.2017 Рубрики: Китай, Новое на сайте, Россия, США

В специальном выпуске журнала «Экспорт вооружений» опубликована статья **Василия Кашина** и **Юлии Магдалинской** о третьей стратегии компенсации министерства обороны США. Предлагаем ознакомиться с материалом.

Министр обороны США Чак Хейгел вместе с представителем DARPA Брэдом Таусли осматривает новейшие разработки агентства перед уходом с поста в 2015 году (с) washingtontimes.com

15 ноября 2014 г. министром обороны США Чаком Хейгелом была выдвинута Оборонная инновационная инициатива (Defense Innovation Initiative, DII), нацеленная на «сохранение и укрепление военного превосходства США в XXI веке» в условиях растущих бюджетных ограничений и «эрозии» американского доминирования «в ключевых сферах ведения боевых действий» [1]. Основной идеей DII, согласно меморандуму министра обороны, является укрепление американского превосходства перед лицом противника за счет «интеллектуальных» решений. Среди них:

- совершенствование системы управления оборонными НИОКР;
- создание долгосрочной программы планирования оборонных НИОКР, в рамках которой будут идентифицированы, созданы и доведены до фазы серийного производства «прорывные» технологии;
- активизация работы по проведению командных игр с целью выработки альтернативных путей по достижению задач, поставленных перед вооруженными силами США;

– разработка новых концепций проведения операций с целью лучшего задействования имеющихся ресурсов;

– проведение серии мероприятий по усовершенствованию управления самого министерства обороны США.

В меморандуме приводился исторический пример того, как США в прошлом удалось успешно осуществить подобный комплекс мероприятий, что «привело к изменению ландшафта в сфере безопасности». Речь шла о серии реформ и технологических программ, реализованных США в 1970–1980-е гг. и ознаменовавшихся насыщением войск высокоточным оружием, современными средствами разведки и управления, применением технологий малозаметности и т.п. Данный комплекс технологических инициатив известен в американской литературе как «Вторая стратегия компенсации»[2].

Плоды «Второй стратегии компенсации» никогда не были опробованы в сражении с равным противником. Однако доказательством ее успешности считается быстрый и почти бескровный для США разгром армии Ирака в ходе операции «Буря в пустыне» 1990–1991 гг. Также важно, что реализовавшиеся тогда программы оказали заметное воздействие на гражданскую экономику. Их прямым порождением стала спутниковая навигационная система GPS, они сыграли важную роль в рождении Интернета и многих современных технологий связи. В связи с этим Вторая стратегия компенсации рассматривается в США сейчас как беспрецедентный успех, начало нового «американского метода ведения войны» и образец, который должен повториться в будущем[3].

Хейгел отмечал в своем меморандуме, что «мы идентифицируем третью стратегию компенсации, которая отдаст превосходство над конкурентами надежно в руки американского проецирования силы на предстоящие десятилетия»[4].

Третья стратегия компенсации (СК-3, Third Offset Strategy) как идея была выдвинута американским Центром стратегических и бюджетных оценок (Center for Strategic and Budgetary Assessments, CSBA) незадолго до публикации меморандума Хейгела в докладе за авторством бывшего заместителя морского министра США Роберта Мартинейджа «К новой стратегии компенсации: использование долгосрочных преимуществ США для восстановления глобальных возможностей по проецированию силы»[5].

Несмотря на то, что Россия, Иран и Северная Корея упоминались в докладе, акцент в нем делался на Китае, его растущей экономической мощи, которая, как ожидалась, должна была привести КНР к превосходству над Соединенными Штатами по номинальному объему ВВП уже в 2024 г. Автор также останавливался на китайских успехах в реализации стратегии изоляции театра военных действий (ТВД) (anti access and area denial, A2/AD, ограничение доступа и маневра). Выражением этих успехов считались китайский прогресс в создании интегрированной системы ПВО, прогресс в противоспутниковом оружии, разработка новых систем оружия, таких как противокорабельные баллистические ракеты, наращивание арсенала неядерных высокоточных баллистических и крылатых ракет, развитие подводного флота и т.п.

Для ответа на эти вызовы предполагалось сделать акцент на областях технологий, где у США имелось прочное, устойчивое превосходство. Успех в этих технологиях позволил бы сформировать Глобальную ударно-разведывательную сеть (Global Surveillance and Strike Network) и восстановить американское превосходство. Для этого в докладе предлагались, в частности, следующие конкретные меры:

- создание линейки беспилотных летательных аппаратов, в том числе с очень большой продолжительностью полета и возможностью дозаправки в воздухе в числе комплекса мер по страховке от последствий поражения противником космических объектов информационной инфраструктуры США и способных взять на себя задачи связи, навигации, наблюдения и т.п.;

- наращивание собственных возможностей поражения космических целей, чтобы сдерживать противника от ударов по американским спутникам;

- расширение географии применения подводных сил за счет ускоренного развития технологий беспилотных подводных аппаратов. Речь идет, в частности, о новых технологиях аккумуляторов, подводной связи, автономного управления;

- расширение возможностей подводных сил по доставке полезной нагрузки к цели – начиная от совершенствования новых модулей полезной нагрузки для атомных многоцелевых подводных лодок типа *Virginia* (Virginia Payload Module) до создания донных и буксируемых модулей полезной нагрузки, в том числе оснащенных модифицированными вариантами крылатых ракет Tomahawk и зенитных ракет семейства Standard;

- расширение географии развертывания стационарных и мобильных сетей донных сенсоров;

- создание новых семейств морского минного оружия для применения с земли, моря и воздуха, а также нового типа противолодочного оружия большой дальности;

- инвестиции на ускоренную разработку электромагнитных пушек и оружия на направленной энергии (лазерного), чтобы изменить нынешнее неблагоприятное соотношение в стоимости баллистических ракет и средств защиты от них и обеспечить защиту авианесущих кораблей и периферийных баз;

- создание новых семейств систем для поражения сенсоров противника (системы на микроволновом излучении, лазерные системы, системы РЭБ);

- ускоренная разработка технологии автоматизированной дозаправки топливом в воздухе;

- ускоренная разработка стратегического бомбардировщика нового поколения LRS-B;

- разработка высотных БЛА с большой продолжительностью полета (по аналогии с RQ-4 Global Hawk), способных действовать в зоне поражения средств ПВО противника;

– разработка собственных «наземных локальных систем A2/AD», состоящих из систем ПВО малой и средней дальности, береговых противокорабельных ракетных комплексов, ракет «поверхность-поверхность», морских мин и беспилотных подводных аппаратов.

Стратегический разведывательный БПЛА RQ-4 Global Hawk (c) ainonline.com

Легко увидеть, что предложения были разработаны исходя из специфических условий Тихоокеанского ТВД. Они учитывают реалии противостояния Китаю с его огромным арсеналом ракет средней дальности, мощной системой ПВО и береговой авиацией, значительными амфибийными силами, ускоренным развитием противоспутникового оружия, быстро растущими силами общего назначения ВМС. Стратегия также принимает во внимание слабые стороны американского военного присутствия в регионе, где США не могут опереться на военный альянс, подобный НАТО, а имеют дело с системой двусторонних союзов разной степени эффективности, притом что большинство стран АТР стремится к нейтральной позиции в американо-китайском споре.

Также важно учитывать, что стратегия, по существу, не предполагает инициирования большого числа новых крупных программ. Практически все перечисленные в докладе Мартинейджа технологии уже были объектом существенных инвестиций со стороны Пентагона. Речь идет, скорее, об инвентаризации имеющихся НИОКР и придаче приоритетного характера тем из них, которые позволяют достигнуть решающего превосходства над вероятными противниками.

Стратегия имеет своей целью достижение подавляющего военно-технического превосходства над Китайской Народной Республикой в условиях, когда возможности США по резкому наращиванию военных расходов ограничены, а военные расходы КНР продолжают расти высокими темпами (на 7% в 2017 г.)[6]. Китай уже сейчас является крупнейшей экономикой мира по паритету покупательной способности и второй – по номинальному объему своего ВВП. Несмотря на замедление китайской экономики, она продолжает расти быстрее экономик прочих крупных стран, кроме Индии. Доля военных расходов в китайском ВВП стабильно не превышает 2%, в то время как у США в текущем десятилетии колебалась в диапазоне 3,3%–4,7%.[7]

Вооруженные силы США размазаны по миру, а вооруженные силы Китая сконцентрированы в западной части Тихоокеанского ТВД. В результате возможности сил сторон в западной части Тихого океана по ряду направлений уже находятся в состоянии равновесия, а по некоторым (возможности нанесения ударов по базам ВВС в регионе; возможности борьбы с надводными целями) уже отмечается превосходство китайцев[8]. DII и СК-3 уже на момент их публикации можно было считать попыткой изменить негативную для США динамику в балансе сил на Тихом океане.

Реализация стратегии будет иметь ключевое значение для успеха американской стратегии сдерживания Китая, которая начала осуществляться еще в начале первого срока президентства Барака Обамы. В сфере военной мысли выражением этого подхода стала родившаяся в 2009 г. концепция «воздушно-морского сражения» (AirSeaBattle), специфически нацеленная на противодействие приписываемой китайцам стратегии изоляции ТВД[9].

Во внешнеполитической сфере выражениями новых приоритетов стали попытки администрации сократить военные обязательства США в других частях мира и сконцентрировать основные ресурсы на политике в АТР по постепенной политической изоляции и военному сдерживанию Китая. Следствием стали предпринятые администрацией Обамы в 2009–2011 гг. усилия по нормализации отношений с Россией («перезагрузка»), ускоренное сворачивание американского военного присутствия на Ближнем Востоке, в частности в Ираке, и в дальнейшем, в 2012 г. – объявление курса на «поворот в Азию» (pivot to Asia). Целям постепенной экономической изоляции Китая служило активное участие США в переговорах по созданию Транстихоокеанского партнерства, глубокого экономического объединения, включавшего в себя все основные экономики АТР, кроме китайской.

Внешнеполитические и экономические элементы курса Обамы по сдерживанию Китая оказались практически целиком неудачными, что лишь повышает роль военного и военно-технического факторов. Потерпела неудачу политика «перезагрузки» с Россией; быстрый вывод войск из Ирака обернулся катастрофой и сковыванием значительных американских сил на Ближнем Востоке на неопределенное время. США не смогли достигнуть существенной концентрации сил на Тихоокеанском театре и укрепить свои отношения со странами АСЕАН. Китайцы тем временем смогли, используя долларовую дипломатию, фактически превратить в своих сателлитов Камбоджу и Лаос (что делало единство АСЕАН по вопросам отношений с Китаем недостижимым), большинство других членов союза стремились к поиску компромиссов с Китаем.

В 2014 г. военный переворот в Таиланде и неуклюжая реакция на него со стороны США привели к дрейфу этой страны в сторону Китая. Транстихоокеанское партнерство (ТТП), наиболее успешный элемент стратегии Обамы, встречало растущее сопротивление в самих США, что проявилось в ходе президентской кампании 2016 г. Последующим катастрофическим для американской стратегии в АТР событием стала победа на президентских выборах на Филиппинах популистского политика Родриго Дутерте. Его переход от политики союза с США к многовекторному курсу, направленному на привлечение инвестиций из Китая, означал, что США теряют единственного полноценного военного союзника в Юго-Восточной Азии. Победа на американских президентских выборах в США 2016 г. Дональда Трампа покончила с ТТП, наиболее успешным элементом старой стратегии.

Таким образом, уже в 2014 г. стало вполне очевидным, что в долгосрочной перспективе у США в противоборстве с Китаем остается, по существу, один козырь: технологическое превосходство, основанное на динамичной частной инновационной экономике. Разработанная за несколько лет до этого и обсуждавшаяся экспертами СК-3 заняла одно из центральных мест в американском военном планировании. 2016 год, ознаменовавшийся окончательным ослаблением американских позиций в АСЕАН и подрывом идеологических основ американского режима ввиду победы Трампа, лишь подтвердил правильность этого тезиса.

Первоначальный набор технологий, выдвигавшихся CSBA на раннем этапе развития программы, подвергся в заявлениях американских официальных лиц определенной корректировке. Речь идет фактически не о

конкретных проектах, а об общих технологических приоритетах, большинство из которых имеют ярко выраженный «двойной» характер, либо вовсе сконцентрированы на технологиях производства.

В частности, Хейгел в своем программном выступлении, посвященном DII в ноябре 2014 г., называл такие приоритеты, как «робототехника, автономные системы, миниатюризация, работа с большими массивами данных, перспективные технологии производства, включая 3-D печать»[10].

В заявлениях заместителя министра обороны США Роберта Уорка указывались следующие приоритеты СК-3 в сфере информационных технологий:

- обучающиеся машины – технологии искусственного интеллекта – в интересах построения автономной системы, лучшей защиты от кибератак, совершенствования систем управления и т.п.;

- интерфейсы между человеком и машинами – включая системы отображения информации, позволяющие оператору принимать более быстрые и качественные решения;

- взаимодействие пилотируемых и беспилотных систем в боевых условиях;

- создание автономных систем, защищенных от кибератак.[11]

Легко увидеть, что большинство названных приоритетов совпадают с магистральными направлениями развития и гражданской высокотехнологичной индустрии, где происходит роботизация, внедрение беспилотного транспорта, расширение использования больших массивов данных, 3-D печати и т.п. Тесная интеграция между ВПК и гражданским бизнесом играет принципиальную роль в стратегии. Начиная с 2014 г. Пентагон нарастил усилия по налаживанию взаимодействия с компаниями Кремниевой долины, где был открыт специальный офис военного ведомства[12].

Поскольку СК-3 представляет собой во многом переоценку приоритетности ранее существовавших программ, объемы финансирования, проходящие по соответствующей статье бюджета Пентагона, не слишком велики. Они отражают лишь финансирование новых проектов начатых в рамках СК-3. В 2017 г. на эти цели было направлено 3,5 млрд долл., а расходы за пять лет начиная с 2017 г. должны были составить 18 млрд долл. Значительная часть расходов идет на вполне конкретные прикладные проекты, связанные, например, с помехозащищенностью высокоточных боеприпасов, созданием новых типов противолодочных подводных автономных аппаратов, модернизацией систем ПВО и т.п.[13]

Ряд исследователей на основе анализа американского бюджета также отмечают резкий рост расходов на НИОКР по таким связанным с СК-3 направлениям, как гиперзвуковые летательные аппараты, оружие на направленной энергии и на новых физических принципах, перспективные подводные аппараты, технологии защиты космических аппаратов, передовые технологии ведения боевых действий в киберпространстве (наступательных и оборонительных)[14].

Будущее СК-3 при Трампе было предметом дискуссий и спекуляций, продолжавшихся до недавнего времени. Новый американский президент продемонстрировал намерение увеличить расходы на оборону, но он же проявил, по крайней мере на словах, склонность к радикальному пересмотру отдельных крупных программ, начатых в прошлом, как неэффективных. Его громкие заявления о возможном пересмотре программы закупок самолетов F-35 и отказе от электромагнитных катапульт на авианосцах, правда, не имели на момент написания данной статьи каких-либо последствий.

При этом известные данные о подготовке американского бюджета на 2018 г. говорят о том, что приоритетность СК-3 лишь усиливается. В подготовленном Белым домом проекте бюджета Пентагона раздел «НИОКР, испытания и оценка» (Research, Development, Test, and Evaluation, RDT&E) предполагается увеличить на 14%. При этом входящий в него подраздел «Наука и технологии», финансирующий фундаментальные исследования и прикладные исследования на дальнюю перспективу, будет сокращен на 5,8%, а практически все дополнительные средства будут направлены на разработку, испытания и подготовку к оперативному развертыванию систем нового поколения, создаваемых в рамках СК-3[15]. Таким образом, на данный момент ситуация выглядит таким образом, что СК-3 лишь усиливает свою значимость.

Китай, как страна, на которую непосредственно направлена СК-3, по всей видимости, воспринял ее как серьезную угрозу своей обороноспособности. В начале 2017 г. в КНР был учрежден специальный государственный орган – Центральная комиссия по интегрированному военному и гражданскому развитию, задачей которой, насколько можно понять, является концентрация ресурсов на небольшом числе ключевых «прорывных» направлений науки и техники. Показателем важности новой структуры стало то, что ее возглавил лично председатель КНР, генеральный секретарь ЦК КПК, председатель Центрального военного совета КНР Си Цзиньпин[16].

В России СК-3 находится в поле зрения Министерства обороны и академической науки; насколько можно понять, военные тщательно отслеживают развитие данной стратегии и ее последствия для обороноспособности с акцентом на стратегическую стабильность. Проблемой, однако, является недостаточное понимание возможных глубоких последствий реализации СК-3 для гражданского производства. СК-3 пытается повторить успех Второй стратегии компенсации 1970–1980-х гг., когда ее реализация в конечном счете привела к перевороту в ряде секторов экономики и возникновению целых новых отраслей, связанных со спутниковой навигацией, связью и Интернетом. К сожалению, в России за пределами военных кругов осведомленность об СК-3 является явно недостаточной. Между тем проблема представляет собой серьезный вызов для слабой российской высокотехнологичной индустрии, и для его парирования необходимы целенаправленные усилия по образцу предпринимаемых китайцами.

Американская система лазерного оружия LaWS, продемонстрированная на телеканале CNN 17 июля 2017 года (с) navy.mil

[1] Веб-документ: <http://archive.defense.gov/pubs/OSD013411-14.pdf>.

[2] Под «Первой стратегией компенсации» подразумевается насыщение войск тактическим и стратегическим ядерным оружием в рамках начатой при президенте США Дуайте Эйзенхауэре в 1950-е гг. программы «Нового облика» (New Look) Вооруженных сил США. «Первая стратегия» исчерпала себя после достижения СССР ядерного паритета с США в конце 1960-х гг.

[3] Веб-страница: <https://warontherocks.com/2014/11/the-cold-war-offset-strategy-assault-breaker-and-the-beginning-of-the-rsta-revolution/>.

[4] Веб-документ: <http://archive.defense.gov/pubs/OSD013411-14.pdf>

[5] Веб-страница: <http://csbaonline.org/uploads/documents/Offset-Strategy-Web.pdf>.

[6] Веб-страница: <http://www.reuters.com/article/us-china-parliament-defence-idUSKBN16B043>

[7] SIPRI Military Expenditures Database 2016.

[8] Веб-страница: <https://www.rand.org/paf/projects/us-china-scorecard.html>.

[9] Подробнее об AirSeaBattle, см.: веб-страницу: <http://archive.defense.gov/pubs/ASB-ConceptImplementation-Summary-May-2013.pdf>.

[10] Веб-страница: <https://www.defense.gov/News/Article/Article/603658/>.

[11] Веб-страница: <http://science.dodlive.mil/2015/11/13/learning-systems-autonomy-and-human-machine-teaming/>

[12] Веб-страница:
http://www.realcleardefense.com/articles/2016/02/16/what_is_the_third_offset_strategy_109034.html.

[13]Ibid.

[14]Веб-документ: <http://www.iris-france.org/wp-content/uploads/2016/12/ARES-Group-Policy-Paper-US-Third-Offset-Strategy-December2016.pdf>.

[15]Веб-страница: <https://www.aip.org/fyi/2017/trump-budget-cuts-defense-st-58-while-funding-third-offset-priorities>.

[16] Веб-страница: http://news.xinhuanet.com/english/2017-01/22/c_136004750.htm.